

ОТ АВТОРА

Когда уходит из жизни крупный ученый, память о нем хранят его ученики, друзья и коллеги. Но и с их уходом она постепенно угасает. Для новых поколений их предшественник предстает только как автор книг и статей — не больше того. Иногда его труды становятся объектами различных историографических интерпретаций. Еще реже — о творческом пути рассказывают несколько безошибочных статей. Остается непроявленным многое, необходимое для понимания неповторимой личности.

В какой среде он формировался? Кого он считал своими учителями? Как складывался его авторский почерк? Каковы были условия, в которых существовала наука и работал автор? Как власти относились к нему? Каковы были внешние влияния? Как автор пережил эпоху террора и идеологического гнета? Как он работал над своими книгами, как сложилась их судьба? В чем особенности его профессиональной техники исследования и мастерства историка? Каков круг его общения? В чем заключалось его педагогическое мастерство? Чем он притягивал к себе научную и студенческую молодежь? Обрел ли он при жизни причитающейся ему славы и общественного признания? В чем, наконец, феномен его личности?

Эти нелегкие вопросы я задавал себе, когда писал книгу о Борисе Александровиче Романове (1889—1957). Над ними мне приходилось задумываться и ранее, вновь и вновь вчитываясь в его работы, вспоминая многие часы и дни общения с ним на протяжении 9 лет, в попытке постигнуть секреты его выдающегося таланта и мастерства. Задача ответить на те же вопросы стояла до того и перед С. Н. Валком, с которым он учился примерно в одно время в Петербургском университете, вместе работал в Центральном архиве (20-е годы), в Ленинградском отделении Института истории АН

СССР (1944—1957 гг.) и в Ленинградском государственном университете (1944—1950 гг.), и Д. С. Лихачевым, историком литературы, также в одно время с Б. А. Романовым работавшим на историческом факультете и немало общавшимся с ним. Они были первыми, напечатавшими вскоре после кончины Б. А. Романова замечательные мемориальные статьи.¹ Эти ученые позднее написали еще по статье о нем — для первого сборника памяти Б. А. Романова (1971 г.).² Через 11 лет известный московский востоковед и историограф В. Н. Никифоров, который при жизни Б. А. Романова не был с ним знаком, опубликовал статью, приуроченную к его 80-летию, в которой охарактеризовал главным образом труды ученого, посвященные исследованию дальневосточной политики самодержавия в конце XIX—начале XX в.,³ перепечатав ее затем в своей книге.⁴ Дважды писал об учителе один из его ближайших учеников А. А. Фурсенко — первый раз к 100-летию Б. А. Романова,⁵ затем для второго сборника статей его памяти (1991 г.).⁶ В этом же сборнике опубликованы работы и других ближайших учеников Б. А. Романова, посвященные анализу его творчества, — Б. В. Ананьича,⁷ Р. Ш. Ганелина⁸ и моя,⁹ а также С. Г. Беляева¹⁰ и К. Н. Сербиной.¹¹ Н. Е. Носов к моменту подготовки этого сборника, к сожалению, скончался, и потому статья, представленная его наследниками, посвящена другой проблематике.¹² Но Н. Е. Носов был инициатором и ответственным редактором первого сборника памяти Б. А. Романова.

Казалось, такое изобилие работ могло бы исчерпать эту тему. Однако когда я в 1989 г. впервые только лишь прикоснулся к ней, написав статью «Проблемы истории России эпохи феодализма в научном наследии Б. А. Романова»,¹³ то уже тогда понял, что это не так. Не на все вопросы, перечисленные в начале этого предисловия, были получены ответы. Кроме того, цензурные ограничения не позволили авторам ряда статей осветить те или иные стороны его биографии, даже упоминание о которых было под запретом. И я постепенно стал все более и более углубляться в эту проблему, пытаясь постичь секреты выдающегося таланта и мастерства Б. А. Романова, воссоздать характерологические особенности его личности. В результате появилась серия статей, в которых получили освещение отдельные стороны его творческой жизни и судьбы: «Б. А. Романов об издании „Духовных и договорных грамот...“ и задачах археографии»,¹⁴ «Б. А. Романов о типе комментариев к Судебникам XV—XV вв.»,¹⁵ «Борис Александрович Романов (1889—1957). Трудная судьба ученого»,¹⁶ «Борис Александрович Романов:

Письма друзьям и коллегам»,¹⁷ «Борис Александрович Романов (1889—1957)»,¹⁸ «„Настоящая жизнь“: Борис Александрович Романов — студент Петербургского университета. 1906—1911 годы»,¹⁹ «„Люди и нравы древней Руси“ Бориса Александровича Романова: судьба книги»,²⁰ «Борис Александрович Романов»,²¹ «Борис Александрович Романов и Иван Иванович Смирнов»,²² «Михаил Илларионович Артамонов и Борис Александрович Романов»,²³ «„Россия в Манчжурии“ Бориса Александровича Романова: судьба книги».²⁴ Последняя статья написана в соавторстве с Б. В. Ананьичем. Все они в том или ином виде вошли в настоящую книгу, решение о работе над которой было принято мной по совету моих друзей — ближайших учеников Б. А. Романова.

В этой связи прежде всего потребовалось определить круг источников. Разумеется, одними из важнейших являются труды ученого. Сам Б. А. Романов писал в другой связи, что «методологические воззрения» историка «подлежали бы выяснению в первую очередь по опубликованным исследованиям» (А. С. Кану. 3 декабря 1950 г.). Но они лишь в скрытом виде могут свидетельствовать об этических принципах, которых придерживался Б. А. Романов применительно к научному творчеству. В некоторой степени по его работам можно судить о личностных чертах автора. Однако уже изданные книги и статьи не предоставляют возможности судить о процессе и этапах работы над ними. Для этого следовало подвергнуть анализу рукописи автора, равно как и ту часть научного наследия, которая осталась неизданной либо и не предназначалась к опубликованию (внутренние отзывы, тексты речей и выступлений, отчеты, заявления, докладные записки). Изучены также документальные материалы (дипломы, трудовые списки и книжки, справки, выданные Б. А. Романову, списки научных трудов, автобиографии и т. д.). Наконец, одним из важнейших источников является эпистолярное наследие Б. А. Романова. Именно по письмам можно в некоторой степени судить о его отношении к ситуации в стране, в науке, в тех учреждениях, в которых он работал или с которыми тесно соприкасался, о том, что Б. А. Романов думал об условиях, в которых протекала его деятельность ученого и профессора университета, как он оценивал человеческие и профессиональные качества коллег, в чем особенность его отношения к друзьям, коллегам и ученикам, наконец, что он писал о своих замыслах и путях их реализации.

Б. А. Романов любил переписываться и всегда находил для этого время. Так, в неотправленном письме от 19 фев-

раля 1953 г. он благодарит Е. Н. Кушеву за письмо и продолжает: «Эта форма общения на расстоянии мне симпатичнее, чем телефон. Говорить труднее...». Он был подлинным мастером эпистолярного жанра. Б. А. Романов придерживался в переписке определенной тактики. На личные письма, говорил он, следует отвечать в день их получения, а на деловые — не ранее, чем на следующий день.²⁵ Адресатами Б. А. Романова были десятки людей. В молодости он писал от руки, впоследствии, когда была приобретена пишущая машинка и оказался поврежденным глазной нерв, отстукивал их, за исключением тех случаев, когда оказывался вне дома (в санатории, на даче). Именно эта особенность облегчает доступ к письмам Б. А. Романова, как правило, оставлявшего у себя их отпуск. В его фонде (в Архиве С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН) сохранились не только те материалы, о которых шла речь выше, но и сотни таких отпусков писем, относящихся к послевоенному периоду. Архивные ссылки при их цитировании не даются, а в тексте отмечается только адресат и дата. Используются в книге и письма Б. А. Романова, хранящиеся в фондах других архивохранилищ (ОПИ ГИМ, ОР РГБ, ОР РНБ, ПФА РАН и др.), а также у самих адресатов Б. А. Романова.

Особо следует остановиться на переписке Б. А. Романова с Е. Н. Кушевой, работавшей в Институте истории АН СССР, ученице П. Г. Любомирова и С. Н. Чернова — ближайших, еще со студенческих лет, друзей Б. А. Романова. Это целый комплекс, представляющий исключительный интерес.²⁶ Первое из сохранившихся его писем ей было отправлено в 1942 г. из Ташкента в хлопковый совхоз, затем (после возвращения из эвакуации) Б. А. Романов регулярно писал Е. Н. Кушевой из Ленинграда в Москву — вплоть до 1957 г. Содержание этих писем весьма разнородно. Но в центре его внимания неизменно оказываются творческие планы, «отчеты» о ходе текущей работы, сообщения о субъективных и объективных трудностях и препятствиях, суждения о работах и докладах коллег, описания (иногда подробные) научных заседаний, обоснование своей позиции в связи с различными коллизиями научной и общественной жизни, сообщения о работе учеников, оценка конфликтных ситуаций и позиций сторон, в том числе своей, раздумья по поводу общественной атмосферы в стране, ее влияния на развитие исторической науки. Нередко Б. А. Романов прилагал к своим письмам документы — планы, тексты своих институтских отчетов о проделанной работе, тексты своих выступлений на заседани-

ях, даже свои статьи в стенгазете, сопровождая указаниями, что он пересылает эти материалы «для архива».

Это обстоятельство и ряд других косвенных признаков позволяют предположить, что между Б. А. Романовым и Е. Н. Кушевой была договоренность, согласно которой его письма к ней заменяли собой дневник и были в то же время частичным дубликатом архива автора. О том свидетельствует и упоминание в письме к ней об отклоненной журналом «Вопросы истории» рецензии на издание «Духовных и договорных грамот великих и удельных князей», текст которой Б. Д. Греков «возможно сдаст <...> Вам в „архив“» (из другого письма: «Не было бы странным, чтобы она дошла до Вас для приобщения к делам»). Такая необычная на первый взгляд форма ведения «дневника» и хранения архива вполне объяснима, если принять во внимание трагические страницы биографии Б. А. Романова. Именно арест Б. А. Романова в январе 1930 г. привел к тому, что были конфискованы его бумаги, в том числе готовые, но еще не опубликованные работы, письма и другие материалы.

Для описания следствия по сфабрикованному «Академическому делу», по которому проходил Б. А. Романов, были привлечены материалы, хранящиеся в Архиве Управления ФСБ по С.-Петербургу и области, в том числе протоколы допросов и собственноручных показаний, а также реабилитационные документы.

Борис Александрович Романов был и остается моим единственным учителем. Поэтому я работал над книгой и с энтузиазмом, и с чувством благодарности. При этом я не предавался иллюзиям, что мне удастся воссоздать его образ во всей полноте — человека незаурядного, обладавшего выдающимся талантом, интересы которого были многогранны, а жизнь трагичной. Подобные претензии свидетельствовали бы лишь о непонимании масштабов его личности и преувеличенных представлениях о своих возможностях.

И все же это не в полной мере книга ученика о своем учителе. Я поставил перед собой в качестве основной цели — написать работу об ученом, представителе петербургской исторической школы, работавшем на переломе эпох, сполна испытавшем такие удары судьбы, которые укоротили его жизнь и не дали возможности всецело реализовать его потенциал. Поэтому мои собственные воспоминания играют в книге лишь минимальную и подчиненную роль, поскольку предпочтение отдавалось более объективным свидетельствам.

Считаю своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность коллегам — Б. С. Кагановичу, А. П. Купайгородской, В. В. Поликарпову, А. Я. Разумову, Е. А. Ростовцеву, Т. Г. Смирновой, В. С. Соболеву, оказавшим мне помощь при сборе архивных материалов. Не могу не вспомнить в этой связи о Е. Н. Кушевой, рассказывавшей мне о Б. А. Романове и его друзьях — П. Г. Любомирове и С. Н. Чернове. Многим обязан я также Л. Е. Косенко, осуществившей перепечатку моей рукописи на компьютере. Наконец, эта книга наверняка не была бы написана, если бы не неоценимая дружеская поддержка и постоянная помощь ближайших учеников Б. А. Романова — моих друзей — Б. В. Ананьича, Р. Ш. Ганелина и А. А. Фурсенко. Много сделал для увековечения памяти нашего учителя рано скончавшийся его ученик Н. Е. Носов (1924—1985), а его чрезвычайно ценные воспоминания о Б. А. Романове весьма помогли мне при работе над этой книгой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Валк С. Н. Борис Александрович Романов // ИЗ. 1958. Т. 62. С. 269—282; Лихачев Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы древней Руси» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 486—495 (перепечатка: Прошлое — будущему: статьи и очерки. Л., 1985. С. 469—285).

² Валк С. Н. Борис Александрович Романов // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971. С. 8—38; Лихачев Д. С. Б. А. Романов и его «гид» Даниил Заточник // Там же. С. 39—43.

³ Никифоров В. Н. Борис Александрович Романов (К восьмидесятилетию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1969. № 3. С. 206—210.

⁴ Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С. 340—345.

⁵ Фурсенко А. А. О жизненном пути Б. А. Романова // ВИ. 1989. № 11. С. 155—162.

⁶ Фурсенко А. А. Борис Александрович Романов // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. СПб., 1991. С. 5—18.

⁷ Ананьич Б. В. Мемуары С. Ю. Витте в творческой судьбе Б. А. Романова // Там же. С. 30—40.

⁸ Ганелин Р. Ш. Б. А. Романов — историк революционного движения в России // Там же. С. 41—53.

⁹ Панеях В. М. Б. А. Романов об издании Судебников XV—XVI вв. // Там же. С. 19—29.

¹⁰ Беляев С. Г. Б. А. Романов-архивист // Там же. С. 57—62.

¹¹ Сербина К. Н. Из воспоминаний о Б. А. Романове // Там же. С. 54—

¹² Носов Н. Е. Русский город феодальной эпохи: проблемы и пути изучения // Там же. С. 63—71.

¹³ История СССР. 1989. № 1.

¹⁴ Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского: Тезисы докладов и сообщений. М., 1991.

¹⁵ АЕ за 1990 г. М., 1992.

¹⁶ Новая и новейшая история. 1993. № 1.

¹⁷ ОИ. 1993. № 3.

¹⁸ Историки России XVIII—XX вв.: Архивно-информационный бюллетень № 14: Приложение к журналу «Исторический архив». [М.], 1996. Вып. 3.

¹⁹ Средневековая и новая Россия: Сб. статей: К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996.

²⁰ ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50.

²¹ Историческая наука России в XX в. М., 1997.

²² У источника: Сб. статей в честь члена-корреспондента РАН С. М. Каштанова. М., 1997.

²³ С.-Петербургский университет. 1998. № 27 (3494).

²⁴ Россия в XIX—XX вв.: Сб. статей к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб., 1998.

²⁵ Так, 27 августа 1950 г. Б. А. Романов писал И. И. Смирнову: «Вопреки обычаю, отвечаю не в тот же день».

²⁶ Письма Б. А. Романова Е. Н. Кушевой были сданы ею в Архив РАН вместе с остальной частью ее богатого архива, но я использовал их отпуски. Часть писем я скопировал еще при ее жизни, благодаря тому, что она разрешила мне их взять на некоторое время и даже увезти из Москвы в Ленинград.